

О. А. Белянова,
доцент кафедры педагогики

А. С. Роботова,
профессор кафедры педагогики

УЧИТЕЛЬ И ПОБЕДА

Это память опять от зари до зари
Беспокойно листает страницы.

Ю. Антонов

Год учителя совпал с 65-м годом Победы в Великой Отечественной войне, память о которой, наверное, никогда не исчезнет из сознания народа. Конечно, теперь уже редко услышишь формулы времени: «до войны» и «после войны», слова предельных желаний послевоенных матерей: «Только бы не было войны»... Все меньше остается участников войны — время неумолимо. Не так уж много и детей войны, в память которых врезались навсегда военные эпизоды. Но пусть наша память «беспокойно листает страницы», на которых обязательно должен остаться образ учителя, хранителя детства, образ победителя.

Хранители детства

С чем ассоциируется *война*? *Война* — это брань, вражда (В. И. Даль). Это смерть, голод, эпидемии, страх, беда, горе, разрушение, страдания. Все эти слова несут отрицательный, чуждый человеку смысл.

А учитель? Кто он для ребенка, для мира, для всех нас? В Интернете мы нашли прекрасные слова одного учителя именно об этом. Этот молодой учитель пишет: «Я захожу в класс, а там идет чье-то детство — заповедное пространство, сказочное время, где слова и события преобразуются, приобретают новые смыслы и остаются навсегда как первый опыт общения с миром: творится история личности... В этом акте творения у меня особая роль: я учитель, хранитель детства... Моя задача — сохранить сказочный мир этой поры и в то же время сказать правду о жизни, а самое главное — верить в простое педагогическое волшебство: в то, что Иванушка-дурачок обязательно станет Иваном-царевичем, а лягушка-царевна — Василисой Премудрой...»

Это удивительно: держать в руках простой камень — и видеть в нем дворец, произносить слово — и чувствовать в нем вселенную, разговаривать с ребенком — и ощущать дыхание вечного движения жизни... В этом — исток вдохновения для повседневной учительской работы, будничной — как понедельник, простой — как хлеб, необходимой — как вода... » [1].

Хранитель детства... Как же это перекликается с прекрасной метафорой недавно ушедшего из жизни Джерома Сэлинджера, вложенной им в уста одинокого подростка Холдена Колфилда о спасительной миссии учителя, о его предназначении: «И мое дело — ловить ребятшек, чтобы они не сорвались в *пропасть*. Понимаешь, они играют и не видят, куда бегут, а тут я подбегаю и ловлю их, чтобы они не сорвались. Вот и вся моя работа. *Стеречь ребят над пропастью во ржи*». В этом вечный смысл явления — *быть учителем, участвовать в творении личности, стеречь детей над бездной*.

Учителя уходят на войну

«Стеречь ребят над пропастью во ржи» — над пропастью войны учителям 1941 года пришлось по-разному. Мужчины-учителя уже в первые дни войны уходили на фронт. Об этом говорят музейные документы о ленинградских учителях. Одним из первых экспонатов музея «ЛУч»* стала книга приказов 7-й средней школы Свердловского района Ленинграда. Пожелтевшие страницы говорят о многом. Июнь 1941 года. Последние приказы мирных дней: «Летние работы дать следующим ученикам... По результатам весенних испытаний объявляется благодарность...» Далее следуют десятки фамилий. И вдруг строчки, обдающие холодом надвигающейся беды — войны: «Отозвать из отпуска учителей... Откомандировать для работы с эвакуированными учащимися... Первого мая 1941 года выбывает в Красную армию директор школы Белов Иван Михайлович...»

23 июня, на второй день войны, 385-ю школу оставил ее директор П. Е. Герасименко, а в первый месяц войны ушли на фронт 860 ленинградских учителей, среди них 125 ведущих работников народного образования: директора, завучи, инспектора гороно и районо, их руководители: А. Г. Егоров — заведующий Ленинградским гороно, А. Л. Певзнер — инспектор гороно, А. Н. Калинин — заведующий Выборгским районо, Н. П. Соколов — инспектор Октябрьского районо, Г. С. Сапожников — заведующий Петроградским районо, директора школ Н. П. Галицкий, Л. В. Попов, П. Д. Тамбовцев, Е. Г. Дузковский. Ушли на фронт первая в Ленинграде заслуженная учительница школы РСФСР М. В. Кропачева, первая в Ленинградской области учительница, которой было присвоено звание заслуженного учителя Российской Федерации, Антонина Ивановна Маркова. О военной и учительской судьбе А. И. Марковой можно прочитать в газетном очерке О. Ермошиной [2].

По-разному сложились судьбы педагогов, ушедших на фронт. Учитель Лев Исаевич Рябенский пробыл на фронте всего лишь месяц — он вернулся в школу без правой руки; левую руку потерял учитель математики Петр Яковлевич Горин, впоследствии ставший заслуженным учителем РСФСР. Николай Павлович Галицкий после войны вновь работал директором школы, а затем и заведующим районо.

Александр Георгиевич Егоров, ушедший на фронт 3 июля 1941 года, участвовал в боях под Сталинградом и был в составе группы офицеров, принимавших в 1942 году капитуляцию генерала Паулюса. После войны он возглавил институт им. М. Н. Покровского. Иван Михайлович Белов после войны стал дипломатическим работником в одной из стран, которую освобождал от фашистов [3].

«В 60-е годы, — пишет Антонина Степановна Батурина, — мне пришлось быть в числе организаторов первых встреч выпускников 6-й артиллерийской спецшколы (впоследствии 5-й школы на Васильевском острове). Хорошо помню, как выпускники встречали своих учителей: стоя, громом аплодисментов, одних качали, других на руках вносили на сцену. В выступлениях питомцы спецшколы свои военные успехи напрямую соотносили с педагогическим мастерством школьных учителей» [4]. Одним из экспонатов музея является рукописная книга — список учителей города, погибших в блокаду. В нем 1143 фамилии, и все же список по разным причинам неполный...

Первой заботой учителей и работников дошкольных учреждений была эвакуация младших детей; второй — участие вместе со старшеклассниками в строительстве обо-

---

* Музей «ЛУч», посвященный ленинградским учителям, создан по инициативе Антонины Степановны Батуриной, выпускницы факультета русского языка и литературы. Материалы хранились до недавнего времени в школе № 7 Василеостровского района Санкт-Петербурга. Сейчас А. С. Батуриной 96 лет, и возраст уже не позволяет ей активно участвовать в любимой работе.

ронительных сооружений под Ленинградом; третьей — подготовка к учебным занятиям с учащимися в новых условиях. Позднее в заблокированном городе возникла еще одна задача — спасти осиротевших детей.

Учителя и дети в эвакуации

Чем меньше дней остается до знаменательной даты — 65-летия Победы, тем чаще, наверное, мы будем вспоминать имена учителей, которые стремились сберечь детей «над пропастью» войны. Эта тема необъятная, и многие истории и судьбы учителей уже канули в вечность. Мы вспомним сначала о тех, кто близок нам, герценовцам, чтобы в истории Воспитательного дома, ЛГПИ—РГПУ им. А. И. Герцена остались хотя бы некоторые фамилии, события, эпизоды.

В первую очередь расскажем о Галине Ивановне Щукиной, которая прошла длинный педагогический путь: от воспитателя, методиста до члена-корреспондента АПН СССР. Она стала ученым-теоретиком, автором научных статей и учебников по педагогике, руководителем аспирантов и целой научной школы последователей. Но незабываемой страницей ее жизни останется эвакуация детей сотрудников института в Ярославскую область. Об этом подробно рассказывает Г. И. Щукина в историко-публицистическом очерке «Урок длиною в четыре военных года» [5]. 33-летняя преподавательница (ассистент кафедры педагогики), Г. И. Щукина должна была срочно решать тысячи вопросов: где разместить детей, чем их кормить, во что одевать, как организовать их жизнь, где обучать... Она, не растерявшись перед лицом всех этих трудностей, оперативно решала самые насущные вопросы жизнедеятельности детей в маленькой деревеньке, куда они приехали, спасаясь от войны. Прежде всего надо было налаживать быт: сколачивать топчаны, при этом мальчики сразу стали осваивать плотницкое дело; девочки начали сушить сено и набивали им мешки, служившие матрацами; до наступления холодов следовало убрать овощи с выделенных делянок, собрать грибы и ягоды.

Эта многообразная деятельность была четко организована. Создавались сводные отряды и постоянные бригады. День начинался и кончался линейками, на которых объявлялись задания, подводились итоги, обсуждалось сделанное, сообщались вести с фронта.

Г. И. Щукина рассказывает, как пригодился ей собственный опыт работы в детдоме и опыт А. С. Макаренко. В эти трудные дни она думала о педагогически целесообразной организации работы детей: сменность бригадиров (чтобы все могли учиться планированию, организации и руководству); смена функций сводных отрядов (чтобы дети не укреплялись в своем лидерстве, «упоенные собственной властью»); сочетание трудовой деятельности с учебной (чтобы «учение не прерывалось»); культурно-просветительская работа (праздники, доклады для колхозников); еженедельные вечера в самом интернате, посвященные знаменательным датам, замечательным людям, поэзии.

Несмотря на трудности жизни и быта, в интернате поддерживался строгий порядок. Воспитатели обращали внимание на все: убранство и чистоту комнат, внешний вид воспитанников, на манеру разговаривать. Все, нарушавшее эти правила, рассматривалось как нетерпимое явление — «ведь мы ленинградцы!»

Объем сделанного педагогами можно оценить, изучив план работы интерната на 1942 год. Трудно поверить, как с этим справлялась молодая женщина: заготовить дрова, найти тару под грибы и ягоды, сшить платья всем девочкам, расширить площади для посева овса и гороха. А помимо этого, дети занимались в кружках вышивания, резьбы по дереву, художественного рассказывания.

Этот урок длился четыре года. И ни один ребенок не был потерян, а ведь были и ясельная, и дошкольная, и школьная группы. Всех спасла и возвратила в родной город Г. И. Щукина со своими коллегами.

Таких организаторов жизни детей в эвакуации, как Г. И. Щукина, оказалось немало. Об этом можно узнать из материалов, кропотливо собранных А. С. Батуриной, ленинградской учительницей словесности. Вот один рассказ из этих материалов. «Первого июля 1941 года, — вспоминает Юлия Георгиевна Майорова, — я была назначена директором детского дома и получила приказ немедленно его эвакуировать. После недолгого, но трудного пути эшелон добрался до станции Сырчонок Волжгальского района Кировской области. Два непригодных здания, очень немного продуктов и 110 воспитанников, от дошколят до десятиклассников... Зима была нелегкой — от цинги пришлось спасать и своих, интернатских детей, и местных — детей колхозников. Помогли настойка и дрожжи из сосновых иголок. А весной получили надел земли, лошадь, плуг, семена и стали учиться сельскому хозяйству. Получилось. Вырастили и заготовили на зиму картофель, капусту, другие овощи, собрали много грибов. В лес ходили старшие дети, а младшие мыли, чистили грибы, воспитатели — солили» [6].

Но не только детьми занимались эвакуированные учителя. Имеющиеся в музее «ЛУЧ» документы говорят о том, что многие педагоги-ленинградцы получали благодарность за лекционную работу в сельских советах, за методическую работу в местных школах, за организацию самодеятельности в местных клубах.

С февраля по октябрь 1942 года из блокадного города было эвакуировано 80 тысяч детей. Ленинградский городской отдел народного образования не порывал связь с эвакуированными детьми и их воспитателями, держал ее через уполномоченных. Это были мужественные, самоотверженные люди. Одним из них был Алексей Сергеевич Лазов. Он 25 раз преодолел бурную и опасную Ладогу, эвакуируя «цыплят», как он называл маленьких ленинградцев. С эвакуированными детьми поддерживалась двусторонняя связь. Письма, получаемые от детей, их учителей и воспитателей, часто публиковались в ленинградских газетах.

Учителя и дети в годы блокады

В музее «ЛУЧ» собраны материалы и о школах блокадного города. Сорок из них работали непрерывно, даже в самые тяжелые месяцы зимы 1941—1942 годов, а к концу 1942 года их насчитывалось уже 137. Трудно было и учащимся, и учителям. Наталья Михайловна Ананьева спустя 30 лет написала в своих воспоминаниях: «В углу “буржуйка”. Запах оттаявших дров. Ребятишки к концу урока засыпают от слабости. Но и сама я иногда не выдерживала, засыпала за столом. Завуч школы будила и меня, и детей. Ничего не скажет, только кивнет на печку — дров подкиньте...»

Мальчишки рисовали в тетрадях самолеты с фашистской свастикой и бомбили их кляксами...» [7].

Своеобразными были и сочинения блокадных школьников, которые также представлены в музее. Так, шестиклассник Тихонов писал: «Я с Костей всегда вместе дежурил на чердаке. Однажды на наш дом упало пять зажигательных бомб. Костя две бомбы выбросил в окно, а три мы с ним засыпали песком... Но однажды Костя пошел в школу и не вернулся. Его убило осколком снаряда» [8].

Какие они были, учительницы блокадного города, учившие детей в эти страшные дни, читавшие им стихи, помогавшие выжить в этом аду и сохранившие в себе мужество, благородство и истинно петербургскую культуру? Представить сейчас это трудно. Но, слава богу, сохранились некоторые свидетельства об учительницах города той жестокой поры.

Об одной из них рассказывает Н. Р. Левина, которая училась в 189-й школе и близко знала Евгению Романовну Борисову (учительницу этой школы), окончившую до революции гимназию Оболенской, где позднее училась Д. К. Мотольская. Всю блокаду Е. Р. Борисова жила и работала в Ленинграде. К 1942 году «она уже похоронила всех своих близких, получила известие о смерти мужа и осталась одна на свете. У нее был пропуск, по которому она могла ходить по городу в любое время после комендантского часа. Она помнит, как “земля под ногой гудела”, когда она, “уполномоченный по трудповинности Дзержинского района”, собирала людей на окопы и одновременно — детей погибших и больных родителей, устраивая их в детские дома и больницы. “Земля под ногой гудела”, когда она шла с Баскова переулка на Кирочную, в 189-ю школу, чтобы учить детей чтению и письму, естествознанию, истории и географии. Часто уроки проходили в бомбоубежище. Чтобы отвлечь детей от страшной действительности, она рассказывала захватывающие истории о путешествиях в дальние страны, о диких животных и растениях» [9].

Очень ценны подлинные воспоминания о Е. Р. Борисовой, написанные ученицей блокадных лет В. Г. Гутенмахер (Рябушкиной): «Неля и я пошли в школу весной 1942 года, когда оставшихся в живых ребят стали собирать на учебу. В школе нас кормили три раза, и постепенно мы оживали и из маленьких старичков и старушек превращались в детей, хотя шумных игр не затевали — не было сил. <...> Как сейчас помню ее — высокая, очень худая, с проседью в очень темных волосах, внимательные глаза слегка косили. У нее был приятный, мелодичный голос, и когда мы сидели в убежище в соседних отсеках, то я невольно прислушивалась к рассказам Евгении Романовны. <...> Позже, много лет спустя, Евгения Романовна сказала мне, что нарочно старалась рассказывать эти удивительные истории, чтобы вывести нас из апатии, отвлечь от мыслей о еде, от ужасов войны, обстрелов, бомбежек, смертей близких и сверстников. <...> Она стала мне родным, близким человеком» [10].

Об учительницах блокадного Ленинграда у Е. С. Масловой, бывшего директора 189-й школы (теперь это 239-й лицей), есть прекрасные поэтические строки [11]:

В тебе растила мужество и гнев
Военных лет суровая блокада.
Ты с городом жила, лишения презрев,
Учительница Ленинграда.

Ты в грозный сорок первый год
С лопатой и киркой крепила оборону,
Когда над городом был мрачен неба свод,
Ты воли не дала — ни жалобе, ни стону.

В бомбоубежище учила ты детей,
Общенье с ними — вот твоя отрада.
Согрела ты их ласкою своей,
Учительница Ленинграда.

Бойцу на фронт писала ты о том,
Как успеваешь сын, как учится дочурка.
Был темен и уныл твой опустевший дом
При свете ночника и копоти печурки.

Мы не простим врагам! Нам не забыть потерь!
Салют победы — городу награда.
За город свой — геройства цитадель —
Боролась ты, учительница Ленинграда.

8.III.44 г.

«Мужество учителей передавалось и детям. Они выросли в эти страшные дни на глазах. 15 239 подростков в возрасте до 16 лет были награждены медалью «За оборону Ленинграда». Позднее один из ленинградских школьников тех лет, Юрий Воронов, ставший известным поэтом, написал:

В блокадных днях мы так и не узнали:
Меж юностью и детством где черта?
Нам в сорок третьем выдали медали
И только в сорок пятом паспорта...

Было и еще одно направление работы учащихся и педагогов Ленинграда во время блокады. Это — шефство над госпиталями. Учителя и воспитатели готовили с детьми художественную самодеятельность и шли к раненым. Семиклассница Галя Боброва так описала посещение госпиталя: «...И вот мы перешли в другую палату. Здесь меня поразило молодое лицо с грустными глазами. У бойца не было руки. Девочки заметили это и старались его развеселить. Читали стихи и танцевали с большим увлечением. По окончании концерта этот боец хлопал больше всех, ударяя здоровой рукой по тумбочке» [12].

Институт в годы войны

А как жил и работал наш институт в эти годы? Институт, который выпускал учителей.

Следующие далее факты мы взяли из юбилейного издания 1997 года об университете (раздел «Герценовцы в годы военного лихолетья») [13]. Этот содержательный материал позволяет представить судьбы студентов и преподавателей того времени, организацию занятий во время блокады, жизнь и быт тех, кто остался в городе.

Уже в сентябре 1941 года в институте (в основных зданиях) разместился один из самых больших ленинградских госпиталей. Студентки стали санитарками: возили воду из Мойки, помогали раненым (на одну санитарку приходилось сорок раненых), заготавливали дрова. Кроме того, приходилось ходить по квартирам — искать умирающих и замерзающих горожан.

Как помогали городу преподаватели, ученые? Преподаватели тифлопедагогики обучали ослепших бойцов и готовили их к поступлению в институт, консультировали членов врачебных комиссий (Б. И. Коваленко, М. А. Складар, А. А. Румянцева, В. А. Вершинская, З. Д. Головачева, А. И. Селезнева).

Осенью начались занятия — они проходили в бомбоубежищах. До этого прошел летний выпуск, благодаря чему 800 человек стали учителями.

Позднее было решено сократить срок обучения до трех лет, увеличив учебную нагрузку. И в ноябре 1941 года 320 третьекурсников, сдав выпускные экзамены, отправились на Большую землю. Как это было трудно, описывает выпускница этого года Н. К. Дятлова в своем «Блокадном дневнике»: «10 ноября. Отчаянно мерзнем. Одежда становится все просторнее, уже не прилегает к телу. Себя не видим: уже месяц ходим и спим в зимних пальто и в обуви. Готовим химию. Застывшими руками пишем формулы, уравнения реакций... 15 ноября. В боковом отсеке бомбоубежища проводится торжественное собрание, посвященное выпуску студентов естественного факультета. На скамейках — небольшая группа выпускников: все, что осталось от 120, зачисленных на первый курс... Идет небывалый в истории педагогического института первый блокадный выпуск. Полуживые от голода, замученные бомбежками, в рваных пальто и платках» [14].

В марте 1942 года основной состав преподавателей и студентов под руководством профессора С. Л. Рубинштейна был эвакуирован в Кыштым Челябинской области. Там начался учебный процесс, стала работать аспирантура.

Но самое главное в другом: 1 сентября 1943 года возобновил работу ЛГПИ им. А. И. Герцена. На первый курс принимались студенты без отрыва от производства. Факультеты работали по вечерам, и добираться до института было трудно. Частыми были артобстрелы, плохо работал транспорт, в аудиториях было холодно. Но институт работал, хотя число студентов сокращалось. В это время лекции читали такие известные ученые, как психолог Б. Г. Ананьев, Б. Г. Реизов, крупнейший специалист по французской литературе XIX века (Стендаль, Бальзак, Флобер), Л. П. Якубинский, ученик И. А. Бодуэна де Куртенэ и Л. В. Щербы, известный лингвист и литературовед, компаративист, автор исследований по древнерусскому языку. Читал лекции педагог Л. Е. Раскин, автор работ «Воспитание дисциплинированности», «О познавательной роли вопросов» и др. Об этом ученом вспоминает К. Д. Радина: «Удивительной в то время была жизнь этого человека. В сложнейших условиях города, который переживал все тяготы первого послевоенного, послеблокадного года, он ухитрялся читать бесконечное количество лекций для учительства, ездил по школам, консультировал, вел преподавательскую работу» [15].

Не прекращала работу наша замечательная библиотека и ее главный хранитель — А. И. Градусова.

2 октября 1944 года институт приступил к полноценным занятиям на восьми факультетах и весной 1945 года выпустил 404 учителей. Для преподавания в этот период были приглашены видные ученые: академик В. В. Струве (востоковед-египтолог), историк С. Б. Окунь, биолог-методист и историк естествознания Б. Е. Райков, известный историк В. В. Мавродин.

Наступило мирное время. Пришла Победа. Теперь предстояло решать новые проблемы. Стране не хватало учителей: многие учителя погибли, некоторые перешли на иную работу. Уменьшилось количество выпускников в годы войны. Катастрофически не хватало учителей для старших классов. И институт стал решать эту трудную задачу.

Уже в первый послевоенный год был открыт дефектологический факультет, на котором обучалось 27 студентов, и учил их один преподаватель — М. Е. Хватцев. Были открыты вечернее и заочное отделения. Постепенно восстанавливалась прежняя структура вуза. Начали работу 35 кафедр. Возобновилась работа диссертационных советов.

Война закончилась. Студенты и преподаватели возвращались в аудитории. Учителя возвращались в школы. Дети снова обретали хранителей своего детства.

А их будущие учителя снова писали стихи о своем храме науки [16]:

К сырым ветрам пространство Петербурга
Развернуто навек земною осью;
Но тает ночь, и неизбежно утро,
Встающее над Мойкой, 48.

Охвачен город тучами и дрожью,
Навязчивым циклоном — частым гостем,
Но Солнце различимо непреложно
На набережной Мойки, 48.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Никляев В. Ю.* Моя педагогическая философия [Электронный ресурс]: Режим доступа — sputnik.master-telecom.ru/.../esse.doc

2. *Ермошина О.* Конца уроков нет... // Невское время. 1999. № 124 (2006). 7 июля.

3. Из материалов, собранных А. С. Батуриной.

4. Батурина А. С. Подвиг ленинградских учителей // Народное образование. 1984. № 12. С. 63.
5. Щукина Г. И. Урок длиною в четыре военных года: (Историко-публицистический очерк). СПб., 1991.
6. Батурина А. С. Подвиг ленинградских учителей. С. 63.
7. Там же. С. 64.
8. Там же.
9. Левина Н. Р. Лучшие минуты. Воспоминания и стихи разных лет. СПб., 2003. С. 83.
10. Там же. С. 99.
11. Там же. С. 26.
12. Батурина А. С. Подвиг ленинградских учителей. С. 64.
13. Педагогический университет им. А. И. Герцена. От Императорского Воспитательного дома до Российского государственного педагогического университета. СПб., 1997.
14. Там же. С. 131.
15. Электронное научное издание «Письма в Эмиссия. Оффлайн». Сайт профессора К. Д. Радной.
16. Макарычева О. Мойка, 48 [Электронный ресурс]: Режим доступа — seal-spb.narod.ru/lit/stix_14.html

*В. Д. Плахов,
профессор кафедры истории и теории социологии*

ВОЙНА. БЛОКАДА. ШКОЛА

По воле судьбы я рос не только в учительской семье, а, можно сказать с полным основанием — в учительской среде. После окончания в конце двадцатых годов теперь уже прошлого столетия Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена группа выпускников, в числе которых находилась моя будущая мама, была направлена на работу в школы города Кронштадта, в одной из которых, а именно в 425-й (школы Кронштадта входили в систему образования Ленинграда, и потому моя первая школа имела такой внушительный — «ленинградский» — номер, хотя в самом Кронштадте в то время было 10 начальных и средних школ), и началась моя школьная жизнь.

Прекрасно помню не только отдельные события той жизни, но и ее атмосферу в целом. Молодые учителя-герценовцы, уже обзаведшиеся семьями, продолжали дружить и ходить друг к другу в гости, а мы, их дети, мальчишки и девчонки, близкие по годам рождения, тоже быстро сдружились. У нас появились общие игры, а затем и общие интересы. Помню открытие Дома пионера и школьника, где функционировали многочисленные кружки. С открытием музыкальной школы — все это происходило в самые предвоенные годы — я начал посещать класс скрипки. Еще более ранние воспоминания переносят меня в школу, где мама моя занималась вечерами с рабочими по системе ликбеза (что тогда мне было непонятно и сильно удивляло: старые... а учатся!?). И наоборот, в школу, где по вечерам шли репетиции драмкружка, которым руководила мама, и десятиклассники готовились к постановке комедии Маяковского «Клоп». Мама была очень занята, и питались мы в столовых да буфетах. Оставлять меня дома одного мама долгое время не решалась, и случалось нередко сидеть мне где-нибудь в сторонке на педсоветах или учительских конференциях — почему меня знали в лицо многие кронштадтские учителя, впрочем, точно так же, как и я их.

Сейчас, вспоминая и оценивая то время, я все более и более убеждаюсь: то была эпоха утверждения совершенно новой и по содержанию, и по форме системы детского и юно-